

Толстой, Арцыбашев
и Вагнер: об одном
случае полемики
в “Круге чтения”
Л. Н. Толстого

Leo Tolstoy, Mikhail
Artsybashev, and
Richard Wagner:
About One Case of
Polemics in Tolstoy’s
The Circle of Reading

**Анастасия Андреевна
Тулякова**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
Москва, Россия

Anastasia A. Tulyakova

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается эпизод из истории создания позднего дидактического собрания мудрых мыслей Л. Н. Толстого “Круг чтения” (1908) — включение в его второе издание переработанной новеллы Мопассана “Порт” под названием “Сестры”. Автор доказывает, что причиной такого творческого решения Толстого стала его полемика с “санинством” как одним из самых модных этических течений 1900-х годов. Ключевым компонентом поведения и гедонистической философии Санина в одноименном романе М. П. Арцыбашева было кровосмешение. На этой же теме основывается и сюжет новеллы Мопассана. На основе публицистических текстов Толстого 1890-х годов, в том числе трактата “Что такое искусство?” (1898), статья реконструирует взгляд писателя на формы и границы репрезентации инцеста в операх Вагнера и в философии Ф. Ницше, с которыми Толстой полемизирует — и в связи с этим рассуждает об этическом потенциале искусства и его вседозволенности. В такой перспективе реакция Толстого на роман Арцыбашева, сочетающий мотивы инцеста и крайнего индивидуализма, оказывается новой фазой старого спора. Писатель включает рассказ “Сестры” во вторую редакцию “Круга чтения” как ответ на

философию “санинства”. Таким образом, сборник мудрых мыслей Толстого может рассматриваться не только как дидактический, но и как полемический и глубоко укорененный в идеологическом контексте 1890-х – 1900-х гг.

Ключевые слова

Толстой, Мопассан, Арцыбашев, “Круг чтения”, инцест, санинство

Abstract

The article deals with a case from the creative history of Leo Tolstoy's *The Circle of Reading* (1908), when Tolstoy included the revised story of Guy de Maupassant's *Le Port* under the title “Sisters” in the second edition of the book. The author proves that the reason for Tolstoy's decision was his polemic with “saninstvo” as one of the most fashionable ethical trends of the first decade of the 1900s. The key component of Sanin's behavior and hedonistic philosophy in Mikhail Artsybashev's novel was incest. Maupassant's novella is based on the same plot. On the basis of Tolstoy's nonfictional texts of the 1890s, including the treatise *What Is Art?* (1898), the article reconstructs the writer's view on the forms and boundaries of the representation of incest in Richard Wagner's operas and in Friedrich Nietzsche's philosophy, with which Tolstoy also polemicized and in connection with which he stated the ethical potential of art and its permissiveness. From this perspective, Tolstoy's reaction to Artsybashev's novel, combining the motives of incest and extreme individualism, turns out to be a new phase of the old dispute. Tolstoy included the story “Sisters” in the second edition of *The Circle of Reading* as a response to the philosophy of “saninstvo.” Thus, Tolstoy's collection of wise thoughts can be considered not only as didactic, but also as a polemical text, and deeply rooted in the ideological context of the 1890s–1900s.

Keywords

Leo Tolstoy, Guy de Maupassant, Mikhail Artsybashev, *The Circle of Reading*, incest, saninstvo

“Круг чтения” Л. Н. Толстого (1906, 1908 гг.) представляет собой дидактическое собрание афоризмов и рассказов на каждый день, которые писатель тщательно выбирал и записывал на протяжении двадцати лет. Исследования, посвященные “Кругу чтения”, как правило, касаются вопросов о тематическом составе книги и отражении в ней идеологии позднего Толстого. В таких работах речь идет о принципах отбора Толстым афоризмов и текстов для “Круга чтения” в соответствии с собственными, подчас противоречивыми взглядами на тот или иной вопрос, анализируются источники, к которым обращался Толстой во время работы над сводом изречений¹. Однако, как мы постараемся показать,

¹ См. об этом, например, вторую главу диссертации [КАРЛИК 1998]. Переработанная диссертация вышла книгой [ЕАДЕМ 2012]. Особый интерес в этом исследовании представляет анализ жанровой природы “Круга чтения” и его генезиса, восходящего к традициям древнерусской литературы. Источники высказываний “Круга чтения” с комментариями изложены в издании

“Круг чтения” может быть прочитан и в другом контексте — как полемический ответ писателя на наиболее “острые”, широко обсуждаемые проблемы 1890–1900-х гг.

Одной из таких проблем стало свободное сексуальное поведение, центральное для некоторых культурно-этических течений современности, в том числе “санинства” — философии главного героя романа М. Арцыбашева “Санин” (1907), о которой пойдет речь в статье. Толстой, отрицательно реагируя на распространение подобных тенденций, включает в “Круг чтения” сюжеты, разоблачающие чуждые ему этические концепции и утверждающие новый “свод правил” морального поведения. Объектом нашего исследования станет переведенный рассказ Мопассана “Сестры”, включенный во второе издание “Круга чтения” и содержащий мотив инцеста. В статье мы проанализируем источники (творчество Вагнера, Ницше и М. Арцыбашева), на которые полемически реагирует Толстой, дополняя свод афоризмов текстом Мопассана, и покажем, как их отрицательная оценка писателем обусловила расширение тематического репертуара “Круга чтения”.

Одним из дополнений, внесенных Толстым во второе издание “Круга чтения” (1908)², стал рассказ “Сестры”. Н. Н. Гусев, участвовавший в подготовке этого тома, указывал в комментариях, что Толстой работал над переделкой книги в 1908 г., и тогда же в печатный экземпляр первого издания, служивший наборным экземпляром для второго, была вложена — в недельные чтения с 1-го по 7-е декабря — брошюра “Сестры”, вышедшая до того отдельным изданием (42: 578, 585).

Рассказ “Сестры” представляет собой творческую обработку новеллы Г. Де Мопассана “Порт” (“Le port”, впервые напечатан в “L’Echo de Paris” от 15 марта 1889 г.) [MAUPASSANT 1889: 1], которой писатель заинтересовался еще в 1890 г.³ К этому же времени относится правка Толстым перевода рассказа, выполненного домашним учителем Толстых А. М. Новиковым⁴.

[Николюкин 1991]. Анализу афоризмов отдельных авторов из “Круга чтения” посвящены пятая глава уже упомянутой диссертации Карлик Н. А., а также работа [КАВАЦА 1988]. Новое понимание “Круга чтения” как целостного текста предлагают А. Г. Гродецкая [2012] и Ирина Паперно [РАПЕРНО 2014].

² Второе издание “Круга чтения” переработано Толстым в 1908 г. и выбрано в качестве источника основного текста в “Полном собрании сочинений в 90 томах” [Толстой 1928–1958, 1–90]. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

³ Об этом свидетельствует запись в дневнике Толстого в период с 15 по 23 октября 1890 г.: “Занятий в эти дни б[ыло] только — изложение Дианы, поправка статьи об охоте и рассказ Ги Мопассана — чудный, к[оторый] перевел А[лексей] М[итрофанович] [Новиков]” (51: 95).

⁴ Подтверждение этому можно обнаружить в письме Толстого к В. Г. Черткову от 18 октября 1890 г. (“Перевожу я вам в Посред[ник] ужасной силы и цинизма и

Сюжет рассказа “Сестры” основывается на трагическом узнавании братом и сестрой друг друга после совершенного инцеста. Последовательность событий выглядит следующим образом. Корабль “Пресвятая Дева Ветров”, на котором служит моряк Селестен Дюкло, после четырехлетнего плавания останавливается в Марселе. Команда во главе с Дюкло решает весело провести время на берегу и отправляется в город в поисках публичного дома. В одном из таких домов служит сестра Селестена Франсуаза, которую он оставил в родном городе тринадцатилетней девочкой и которая после смерти всех родственников от тифа была вынуждена стать проституткой. Не узнав сестры, Дюкло выбирает ее в “подруги” на вечер. Проведя некоторое время в комнате наверху, Дюкло и Франсуаза возвращаются в общую залу и вступают в разговор. Моряк расспрашивает девушку о ее происхождении, в свою очередь, она интересуется тем, как долго он плавает и не встречался ли ему корабль “Пресвятая Дева Ветров”, на котором служит ее брат. Расспросы девушки вызывают у Селестена любопытство до тех пор, пока она не рассказывает ему о судьбе его семьи. В этот момент происходит трагическое узнавание героями друг друга. Далее Дюкло подробнее расспрашивает Франсуазу о том, что привело ее в публичный дом, обнимает и целует ее как сестру, что особенно подчеркивается Мопассаном. Затем Дюкло впадает в истерику. Друзья Дюкло, полагая, что он пьян, относят его в комнату девушки, с которой он только что проводил время. Там Франсуаза просидела с братом до утра, “плача так же горько, как и он”⁵.

Толстой, работая над уже текстом перевода, значительно упростил язык новеллы, исключил отдельные фразы, исправил язык диалогов и отказался от финала Мопассана. По Толстому, матросы пытаются отвести Дюкло наверх, но он бросается к одному из моряков, сидящему с девушкой, отталкивает их друг от друга и говорит ему о том, что девушка — его сестра: “все они кому-нибудь да сестры” (42: 305). После этого с ним случается припадок, и матросы относят его наверх в комнату Франсуазы⁶.

глубоко нравственно действующий рассказ Gui Mopassant. На днях пришлю”) (87: 51) и дневниковых записях от 24–26 октября: “Утром поправил и записал рассказы Ги Мопассана” (запись от 24 октября 1890 г.): “Не писал, но поправлял сначала. Потом поправил рассказы Мопассана” (запись от 25 октября 1890 г.). “Рано встал. Опять поправлял Мопассана и ничего не пришлось написать” (запись от 26 октября 1890 г.) (51: 97).

⁵ В оригинале “en pleurant autant que lui” [MAUPASSANT 1889: 1].

⁶ Около 1 ноября 1890 г. Толстой отправил два переведенных рассказа Мопассана — “Порт” и “Дорого стоит” — Черткову в Петербург, выразив желание, чтобы тексты были изданы отдельной книжечкой (24: 674). Но, по-видимому, вторая новелла не была пропущена цензурой, и перевод “Порта”, на тот момент называвшийся “У девок”, решено было печатать в газете А. С. Суворина “Новое время” (ibid.). Настаивая на смягчении некоторых выражений, казавшихся ему непристойными, Суворин в письме к Черткову от 2 января 1891 г. предложил

Культурный контекст, обусловивший обращение Толстого к рассказу “Сестры” как в начале 1890-х гг., так и в 1907–1908 гг., не становился предметом исследования, между тем реконструкция этих обстоятельств позволяет уточнить механизм отбора текстов для “Круга чтения”.

Толстой высоко оценивал рассказ Мопассана, о чем свидетельствует его отзыв о нем в “Предисловии к собранию сочинений Мопассана”:

Прочтите его сына-идиота, ночь с дочерью (“L’ermite”), моряк с сестрой (“Le port”), “Оливковое поле”, “La petite Roque”, англичанку “Miss Harriet”, “Monsieur Parent”, “L’armoire” (девочка, заснувшая в шкапе), свадьбу в “Sur l’eau” и последнее выражение всего: “Un cas de divorce”. То самое, что говорил Марк Аврелий, придумывая средство разрушить в представлении привлекательность этого греха, это самое яркими художественными образами, переворачивающими душу, делает Мопассан. Он хотел восхвалять любовь, но чем больше узнавал, тем больше проклинал ее. Он проклинал ее и за те бедствия и страдания, которые она несет с собою, и за те разочарования и, главное, за ту подделку настоящей любви, за тот обман, который есть в ней и от которого тем сильнее страдает человек, чем доверчивее он предается этому обману (30: 20–21).

Из перечня произведений Мопассана, упоминаемых Толстым, видно, что его внимание привлекла тема инцеста (ср. прежде всего рассказы “Порт” и “Отшельник”) — одна из ведущих для французского писателя. Но для нас в данном случае интерес будет представлять не прямой диалог писателей, но более широкий контекст обращения к теме кровосмешения. Как представляется, эта тема была важна для Толстого в связи с его размышлениями об этическом потенциале искусства и опасности вседозволенности в “поэзии», о чем он рассуждает в трактате “Что такое искусство?” (1898).

В 1889 – начале 1890-х гг. Толстой работает над циклом статей об искусстве, предвосхитивших трактат, одна из глав которого посвящена творчеству Вагнера. Толстой анализирует тетралогия “Кольцо Нибелунгов”, отмечая при этом недостатки вагнеровского музыкального направления. Но и либретто, которое Толстой прочел, произвело на него неприятное впечатление: “Произведение это есть образец самой грубой, доходящей даже до смешного, подделки под поэзию” (30: 132). Таким образом, Толстой критикует Вагнера и как композитора, и как поэта, и приходит к выводу, что тот “составил образцовое поддельное произведение искусства” (*ibid.*: 138).

в качестве заголовка дать название “Сестры”, которое более соответствовало финалу рассказа. В итоге, однако, после обсуждения предложений редакции “Нового времени” с Толстым, рассказ — с незначительными стилистическими поправками — был напечатан под заглавием “Франсуаза”, которое предложил Н. С. Лесков (27: 675).

В связи с анализируемым сюжетом отметим, что Толстой, разбирая сюжет вагнеровской оперы, обратил особое внимание на мотив инцеста между братом и сестрой, который писатель упомянул в ряду эффектов, влияющих на зрительское восприятие оперы:

Начиная с сюжета, взятого из древности, и кончая туманами и восходами луны и солнца, Вагнер в этом произведении пользуется всем тем, что считается поэтичным. Тут и спящая красавица, и русалки, и подземные огни, и гномы, и битвы, и мечи, и любовь, и *кровосмешение*, и чудовище, и пение птиц — весь арсенал поэтичности употреблен в дело (30: 138; курсив мой. — А. Т.).

Существенно, что, пересказывая сюжет “Нибелунгов” в приложении к трактату, Толстой дважды упоминает о кровосмешении между Зигмундом и Зиглиндой, разлученными в детстве братом и сестрой, которые влюбляются друг в друга, еще не подозревая, что они кровные родственники, и которые даже в момент узнавания не отказываются от охвативших их чувств. Толстой описывает этот эпизод из “Валькирии”, второй оперы тетралогии, следующим образом:

На сцене помещено в середине дерево. Вбегает Зигмунд усталый и ложится. Входит Зиглинда, хозяйка, жена Гундинга, и дает ему приворотный напиток, и оба влюбляются друг в друга. Приходит муж Зиглинды, узнает, что Зигмунд из враждебной породы, и завтра хочет с ним драться, но Зиглинда напаивает дурманом своего мужа и приходит к Зигмунду. Зигмунд узнает, что Зиглинда его сестра и что его отец вбил меч в дерево, так что никто не может вынуть его. Зигмунд выхватывает этот меч и совершает блуд с сестрой. Во втором действии Зигмунд должен драться с Гундингом. Боги рассуждают, кому дать победу. Вотан хочет пожалеть Зигмунда, одобряя его поступок блуда с сестрой, но, под влиянием жены Фрики, велит валкирии Брунгильде убить Зигмунда (30: 201).

Толстой, как видно из его рассуждений о тетралогии в трактате “Что такое искусство?”, знал, что мотив кровосмешения был привнесен самим композитором в сюжет оперы⁷: в народном эпосе Зигфрид является сыном короля Зигмунда и его супруги Зиглинды. Таким образом, инцест, изначально отсутствовавший в сагах, но появившийся у Вагнера и потому привлечший внимание Толстого, вынудил писателя добавить в

⁷ По замечанию современного исследователя, “Вагнер не только включает в «Валькирию» тему инцеста и развивает ее, но и изображает инцест и его последствия как центральный мотив оперы” [KERSHNER 2006: 167; перевод мой. — А. Т.]. Одна из возможных причин, по которой Вагнер включает в оперу этот мотив, по его собственному признанию, — намеренная героизация Зигфрида. Зигфрид, как величайший герой всех времен, не может быть рожден людьми, а должен быть создан через их уничтожение. См. об этом: [WAGNER 1998: 89–107; EMIG 1998].

пересказ сюжета любопытную деталь, оправдывающую появление этого мотива в опере. В либретто Вагнера не содержится намек на то, что Зиглинда напоила Зигмунда “приворотным напитком”, речь идет только о питье с медом. Вероятно, Толстой дополняет свой пересказ этой деталью для того, чтобы пояснить, что стало причиной кровосмешения между братом и сестрой, переросшего впоследствии в противоестественную любовь. Одновременно с этим Толстой причисляет мотив инцеста к “арсеналу поэтичности” (30: 138), который использует Вагнер, рассчитывая привести в оперу более “эффектности и занимательности” (30: 119)⁸.

В “Валькирии” Зигмунд и Зиглинда были наказаны Вотаном потому, что его супруга Фрика восприняла союз между братом и сестрой как оскорбление самого Вотана. И хотя Фрика невзлюбила близнецов потому, что они родились от другой матери, она делает все возможное, чтобы доказать Вотану противоестественность такого союза: упоминает об измене Вотана, следствием которой и стало рождение близнецов, упрекает супруга в бесчестии, на которое он обрек и ее. Вотан же не видит ничего предосудительного в том, что герои полюбили друг друга, но все же уступает жене и губит Зигмунда. Зиглинду же спасает дочь Вотана — валькирия Брунгильда, знающая, что та должна родить героя Зигфрида.

Работе над трактатом предшествовал целый ряд статей Толстого об искусстве, большинство из которых стало “подготовительным этапом” к нему (30: 509). И хотя Толстой еще в уста Левина вкладывал рассуждение о вагнеровском направлении в музыке⁹, резкая критика и обличение Вагнера впервые возникло лишь в поздней публицистике Толстого. Здесь рядом с именем Вагнера, завладевшего умами “квази-образованных людей” (30: 136), ожидаемо появляется имя Фридриха Ницше, известность и влияние которого не уступали славе Вагнера, в свое время повлиявшего на взгляды немецкого философа¹⁰. Но если к Вагнеру Толстой относился отрицательно и в течение жизни не менял своего мнения

⁸ Речь идет о поэтических средствах, которые автор может использовать для того, чтобы достичь наибольшей “эффектности и занимательности” (30: 138) того сюжета, который обрабатывает. Таким образом, Толстой обвиняет Вагнера в неразборчивости поэтических средств, которые в своей совокупности превращают “Кольцо Нибелунгов” в “подделку под искусство” (ibid.).

⁹ В антракте между Левиным и Песцовым завязался спор о достоинствах и недостатках вагнеровского направления музыки. Левин доказывал, что ошибка Вагнера и всех его последователей в том, что музыка хочет переходить в область чужого искусства, что так же ошибается поэзия, когда описывает черты лиц, что должна делать живопись, и, как пример такой ошибки, он привел скульптора, который вздумал высекать из мрамора тени поэтических образов, восстающие вокруг фигуры поэта на пьедестале (19: 262–263).

¹⁰ О влиянии Вагнера на творчество Ницше см., например: [HOLLINRAKE 2010; PRANGE 2013].

о композиторе, то Ницше вызывал у писателя двойственные чувства¹¹. С одной стороны, Толстой осуждал Ницше за сверхиндивидуализм, “учение эгоизма, зла и ненависти” (34: 309), согласно которому одни наделяются правами, а другие лишаются их. С другой стороны, в августе 1908 г. Толстой, как отмечал Маковицкий [1979, 3: 172], перечитывал Ницше, полагая, что мог неправильно его понять. Однако как только произведения Ницше были ему присланы и Толстой начал их читать, то сразу оставил это занятие по той причине, что у Ницше “все основано на противоречии тому, что признается истиной” [ibid.: 176].

Новое обращение Толстого к Ницше, философские взгляды которого для писателя генетически были связаны с творчеством Вагнера, в 1908 г., вероятно, могло быть подсказано актуализацией дискуссии о ницшеанстве в связи с выходом нашумевшего романа Арцыбашева “Санин” (1907). Существенно, что в нем ницшеанские идеи заглавного героя¹² переплетались с мотивом инцеста, занимавшим Толстого еще с начала 1890-х гг. Роман Арцыбашева соединял в себе то, о чем Толстой активно размышляет в период конца 1890 – начала 1900-х гг. и что отражается в работе над трактатом “Что такое искусство?” и переводом “Сестер”.

По сюжету Владимир Санин после длительного отсутствия возвращается в родной провинциальный городок, где обнаруживает повзрослевшую и похорошевшую сестру Лиду. Санин смотрит на сестру как на женщину, ценит ее красоту и изящество. Лида не может не замечать внимания брата, который и привлекает, и пугает ее. После неудачного романа с офицером Зарудиным, от которого Лида беременна, она решает утопиться, однако Санин отговаривает ее от самоубийства и предлагает ей выйти замуж за Новикова, который давно влюблен в девушку. Санин беседует с Новиковым, оправдывает Лиду в его глазах, говоря, что история с Зарудиным — всего лишь “весенний флирт”. Далее линия брата и сестры оттеняется второй сюжетной линией, в которой также участвуют брат и сестра из семейства Сварожичей. Однако у Юрия и Ляли, в отличие от Санина и Лиды, не возникает взаимного влечения.

Роман Арцыбашева получил скандальную известность благодаря философии вседозволенности, последователем которой является главный герой. Писателя обвиняли в том, что он проповедует культ эротических наслаждений, вместе с этим некоторые современники видели в нем наследника традиций классической литературы, поскольку

¹¹ Подробное рассмотрение отношений Толстого и Ницше не является целью нашей статьи. Из немногочисленных работ, посвященных этому вопросу, см.: [Оболенский 1893; Шестов 1900: 139–167, 112–135; Adams 1911: 82–105; Davis 1929; Karenovics 2014: 505–509] и др.

¹² См. об этом: [Boele 2009].

Арцыбашев в своих текстах пытался описать жизнь во всем ее многообразии¹³.

Толстой относился к творчеству Арцыбашева двойственно. В целом писатель положительно оценивал его ранниеopusы¹⁴, отмечая, что, хотя тот, как и многие, “невежда во всем том, что сделано великими мыслителями прошедшего” (57: 20), мысль его самобытна, в отличие, например, от Горького или Куприна, у которого есть “простой талант без содержания” (ibid.). В свою очередь, Арцыбашев, признавая значительную роль Толстого в формировании собственного писательского пути¹⁵, нередко полемизировал с идеями толстовства в своих текстах.

Роман Арцыбашева принято рассматривать как ответ позднему Толстому. Речь идет не только об аллюзиях на определенные тексты писателя, но и о ниспровержении в романе совокупности идей, разрабатываемых Толстым в поздних публицистических текстах [LEBLANC 2006: 18–23]. Санинская философия основывается на отрицании главных нравственных принципов философии Толстого и утверждении прав сверхчеловека, отсылающей к ницшеанской философии сверхиндивидуализма [ВОЕЛЕ 2009: 11–12]. Подобная полемика прослеживается как в сюжете, так и в идеологии романа. Например, Арцыбашев иронизирует над героем Фон-Дейцем, который является карикатурой на толстовца. Санин не только высмеивает героя, но и провоцирует его на споры, пытаясь дискредитировать культурную миссию христианства.

Безусловно, мировоззрение Санина и его полемика с идеями толстовства были очевидны для писателя. Хотя Толстой признавался Маковицкому и сыну Илье, что “Санина не читал” [МАКОВИЦКИЙ 1979, 3: 44], в письме к студенту М. М. Докшицкому, который спрашивал у писателя, что лучше — санинство или христианство, рассказывал: “Я взял те №№ журнала, в которых он помещался, и прочел все рассуждения самого Санина, и ужаснулся не столько гадости, сколько глупости, невежеству и самоуверенности, соответствующей этим двум свойствам автора [. . .] человек говорит обратное тому, что всеми считается истиной,

¹³ См. об этом: [Николаев 1998: 221–244]. Например, А. Богданович писал, что “его манера напоминает несколько Л. Н. Толстого — тщательностью анализа и углубленностью. [. . .] Влияние Толстого сказывается скорее в направлении художественной пытливости г. Арцыбашева, которого захватывают везде важные, вечные стороны жизни, вопросы не временные, текущие, злободневные, а всегда способные волновать сердце людей” (цит. по: [ibid.]).

¹⁴ Толстой в целом положительно отзывался о таких рассказах Арцыбашева, как “Бунт”, “Кровь”, “Подпрапорщик Гололобов”, “Смех”.

¹⁵ В очерке о Толстом Арцыбашев писал: “В моей жизни он сыграл слишком большую роль, чтобы я не чувствовал к нему благодарности и не жалел бы его”. См. об этом: [АРЦЫБАШЕВ 2006: 32]. Влияние творчества Толстого на Арцыбашева см. также: [КОКОВОВО 2015: 162–179; LEBLANC 2006: 16–32] и др.

например, что вода сухая, что уголь белый, что *кровосмешение хорошо*, что драться хорошо и т. под.” (письмо от 10 февраля 1908 г.) (78: 58–59; курсив мой. — А. Т.)¹⁶.

Письмо Докшицкого к Толстому не единственное, в котором адресант спрашивает у Толстого совета, кому довериться — Арцыбашеву или христианству. Подобные письма с просьбами о совете и осуждением того влияния, которое оказывает “возмутительный роман Арцыбашева” на умы молодых людей, приходили Толстому довольно часто¹⁷. Некоторые просили Толстого написать что-нибудь назидательное, чтобы наставить молодежь на путь истинный¹⁸. Учитывая, что это время Толстой работал над второй редакцией “Круга чтения”, дополняя его рядом текстов, мы полагаем, что включение переработанного рассказа Мопассана под названием “Сестры” в состав новой редакции книги могло быть вызвано реакцией писателя на обсуждение романа Арцыбашева, в котором утверждалась эротическая вседозволенность, доходящая до оправдания инцеста как ее частного случая. Скандал вокруг “Санина” и просьбы адресантов написать нравоучительный текст в ответ “санинству” могли побудить Толстого дополнить “Круг чтения” произведениями, которые утверждали бы иные ценности. “Круг чтения”, задуманный, в первую очередь, как сборник мудрых мыслей на все случаи жизни, изначально не содержал в себе изречений, порицающих эротическое влечение людей друг к другу. Толстой, осознавая актуальность этой темы в связи с многочисленными обращениями, судя по всему, дополнил сборник еще и в этом направлении. Можно предположить, что размышления Толстого 1890-х гг. о границах искусства побудили его противопоставить роману “Санин” текст, в котором бы нашли отражение истинные христианские ценности, явленные в сходной сюжетной схеме.

Таким образом, история переиздания “Сестер” показывает, что “Круг чтения” представляет собой не просто собрание афоризмов и истин на каждый день. Текст Толстого более укоренен в идейном контексте 1890–1900-х годов, чем было принято считать, и может рассматриваться как полемический ответ Толстого на философские и этические импульсы извне.

¹⁶ Любопытно, что тремя годами ранее, в 1905 г., Маковицкий в дневнике зафиксировал отзыв Толстого о Ницше, который предвосхищал мысль, высказанную писателем об Арцыбашеве: “Ницше утверждает противоположное аих lieux communs. Тургенев сказал о таких людях, что они будут спорить против того, что вода течет, утверждая, что вода твердая. Так и Ницше утверждает противоположное христианским истинам. Меня удивляет, как люди могут интересоваться Ницше?” [Маковицкий 1979, 1: 255].

¹⁷ См., например, письмо ученика четвертого класса гимназии [Маковицкий 1979, 3: 153], косвенно — письмо Н. Н. Ленской от 26 июля 1908 г. (78: 351).

¹⁸ См. письмо Отилии Циммерман к Толстому от 15 апреля 1908 г. [LeBlanc 2006: 16].

Библиография

АРЦЫБАШЕВ 2006

АРЦЫБАШЕВ М. П., «О Толстом», in: ИДЕМ, *Записки писателя*, Москва, 2006, 31–44.

БЕМ 1926

БЕМ А. Л., сост., СРЕЗНЕВСКИЙ В. И., доп., *Библиографический указатель творений Толстого*, Ленинград, 1926.

ГРОДЕЦКАЯ 2012

ГРОДЕЦКАЯ А. Г., «Ищи же истину — она этого хочет», in: Л. Н. ТОЛСТОЙ, *Мысли мудрых людей на каждый день*, С.-Петербург, 2012, 5–20.

КАВАЦА 1988

КАВАЦА А., «Круг чтения» Л. Н. Толстого», *Русская речь*, 6, 1988, 24–29.

КАРЛИК 1998

КАРЛИК Н. А., «Круг чтения» Л. Н. Толстого» (Дис. [. . .] канд. филол. наук, Москва, 1998).

——— 2012

КАРЛИК Н. А., *Афористика Л. Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения»*, С.-Петербург, 2012.

МАКОВИЦКИЙ 1979, 1–4

ЩЕРБИНА В. Р., гл. ред., *У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д. П. МАКОВИЦКОГО*, 1–4 (= Литературное наследство, 90), Москва, 1979.

НИКОЛАЕВ 1998

НИКОЛАЕВ П. В., «Л. Н. Толстой и М. П. Арцыбашев», in: К. Н. ЛОМУНОВ, отв. ред., *Толстой и о Толстом*, 1, Москва, 1998, 221–244.

НИКОЛЮКИН 1991

НИКОЛЮКИН А. Н., сост., *Толстой Л. Н. Круг чтения*, 1–2, Москва, 1991.

ОБОЛЕНСКИЙ 1893

ОБОЛЕНСКИЙ Л. Е., «Лев Толстой и Фридрих Ницше, как антиподы (По поводу сочинения Felix Schröder: Le Tolstoisme. Paris)», *Новости*, 312, 1893, 2–3.

ТОЛСТОЙ 1928–1958, 1–90

ТОЛСТОЙ Л. Н., *Полное собрание сочинений*, 1–90, Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, Н. К. Пиксанов et al., ред., Москва, 1928–1958.

ШЕСТОВ 1900

ШЕСТОВ Л., «Добро в учении гр. Л. Толстого и Фр. Ницше», *Русское Богатство*, 2–3, 1900, 112–135, 139–167.

ADAMS 1911

ADAMS M., «Ethics of Tolstoy and Nietzsche», *International Journal of Ethics*, 22/1, October, 1911, 82–105.

BOELE 2009

BOELE O., *Erotic Nihilism in Late Imperial Russia. The Case of Mikhail Artsybashev's Sanin*, Madison (WI), 2009.

DAVIS 1929

DAVIS H. E., *Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics*, New York, 1929.

EMIG 1998

EMIG C., *Arbeit am Inzest: Richard Wagner und Tomas Mann*, Frankfurt a. M., 1998.

HOLLINRAKE 2010

HOLLINRAKE R., *Nietzsche, Wagner and the Philosophy of Pessimism*, London, New York, 2010.

KARENOVICS 2014

KARENOVICS I., "Friedrich Nietzsche," in: M. GEORGE, J. HERLTH, C. MÜNCH, U. SCHMID, Hrsg., *Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker*, Göttingen, 2014, 505–509.

KERSHNER 2006

KERSHNER G. D., "Transgression and Taboo: Eros, Marriage, and Incest in *Die Walküre*," in: L. J. DIGAETANI, *Inside the Ring: Essays on Wagner's Opera Cycle*, Jefferson (NC), 2006, 154–172.

KOKOBOBO 2015

KOKOBOBO A., "Corpses of Desire and Convention: Tolstoy's and Artsybashev's Grotesque Realism," in: K. BOWERS, A. KOKOBOBO, *Russian Writers and the Fin de Siècle. The Twilight of Realism*, Cambridge, 2015, 162–179.

LEBLANC 2006

LEBLANC R. D., "Saninism Versus Tolstoyism: The Anti-Tolstoyan Subtext in Mikhail Artsybashev's Sanin," *Tolstoy Studies Journal*, 18, 2006, 16–32.

MAUPASSANT 1889

MAUPASSANT G., "Le Port," *L'Echo de Paris*, 1, 15 Mars, 1889.

PAPERNO 2014

PAPERNO I., "Who, What Am I?": *Tolstoy Struggles to Narrate the Self*, Ithaca, London, 2014.

PRANGE 2013

PRANGE M., *Nietzsche, Wagner, Europe*, Boston (MA), 2013.

WAGNER 1998

WAGNER N., *Wagner Theater*, Frankfurt a. M., Leipzig, 1998.

References

Bem A. L., Sreznevskiy V. I., *Bibliograficheskii ukazatel' tvorenii Tolstogo*, Leningrad, 1926.

Boele O., *Erotic Nihilism in Late Imperial Russia. The Case of Mikhail Artsybashev's Sanin*, Madison (WI), 2009.

Cavazza A., "'Krug chteniia' L. N. Tolstogo," *Russkaia rech'*, 6, 1988, 24–29.

Davis H. E., *Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics*, New York, 1929.

Emig C., *Arbeit am Inzest: Richard Wagner und Tomas Mann*, Frankfurt a. M., 1998.

Grodetskaya A. G., "Ishchi zhe istinu — ona etogo khochet'," in: L. N. Tolstoy, *Mysli mudrykh liudei na kazhdy den'*, St. Petersburg, 2012, 5–20.

Hollinrake R., *Nietzsche, Wagner and the Philosophy of Pessimism*, London, New York, 2010.

Karenovics I., "Friedrich Nietzsche," in: M. George, J. Herlth, C. Münch, U. Schmid, Hrsg., *Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker*, Göttingen, 2014, 505–509.

Karlik N. A., *Aforistika L. N. Tolstogo: sbornik mudrykh myslei "Krug chteniia"*, St. Petersburg, 2012.

Kershner G. D., "Transgression and Taboo: Eros, Marriage, and Incest in *Die Walküre*," in: L. J. DiGaetani, *Inside the Ring: Essays on Wagner's Opera Cycle*, Jefferson (NC), 2006, 154–172.

Kokobobo A., "Corpses of Desire and Convention: Tolstoy's and Artsybashev's Grotesque Realism," in: K. Bowers, A. Kokobobo, *Russian Writers and the Fin de Siècle. The Twilight of Realism*, Cambridge, 2015, 162–179.

LeBlanc R. D., "Saninism Versus Tolstoyism: The Anti-Tolstoyan Subtext in Mikhail Artsybashev's Sanin," *Tolstoy Studies Journal*, 18, 2006, 16–32.

Nikolaev P. V., "L. N. Tolstoi i M. P. Artsybashev," in: K. N. Lomunov, ed., *Tolstoi i Tolstom*, 1, Moscow, 1998, 221–244.

Paperno I., "Who, What Am I?": *Tolstoy Struggles to Narrate the Self*, Ithaca, London, 2014.

Prange M., *Nietzsche, Wagner, Europe*, Boston (MA), 2013.

Wagner N., *Wagner Theater*, Frankfurt a. M., Leipzig, 1998.

Анастасия Андреевна Тулякова, магистр филологии

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",

Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, аспирант

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1

Россия/Russia

anastasia.tulyakova93@gmail.com

Received May 9, 2017